

Глава V. Борьба за Мадрид и «военная демократия»

“ Город, нынешний город, В твоём огромном чреве, В недрах борьбы и трагедий, Уже шевелится зародыш, Будущее шевелится.

Рафаэль Альберти

Шах Мадриду

По данным Исполкома Коминтерна, на октябрь 1936 г. правительственные войска на всех фронтах насчитывали 120 тыс. человек, «но боеспособных имеется максимум 30 тыс. человек... Остальные силы представляют собою разрозненные зачастую батальоны»[636]. В сентябре республиканцы попытались отбить Талаверу. Город атаковала сводная группа под командованием полковника Хосе Асенсио, который был назначен командующим Центральным фронтом[637]. Но франкисты уже закрепились, и Асенсио был отброшен. Неудачей кончилась и попытка контрнаступления на Толедо 3 октября. В газетах, включая коммунистическую «Мундо обреро», царило «шапкозакидачество»[638].

А 6 октября началось наступление франкистов под общим командованием Мола на Мадрид. Против столицы Франко сосредоточил все 10000 своей Африканской армии и еще 15 000 солдат и фалангистов. Их поддерживали 4 батальона итальянских танков. Войска Франко наступали двумя дивизиями (Ягуэ и Варелы), в каждой из которых действовали три колонны. Каждая колонна включала три компонента (как правило — по батальону), о качествах которых советские специалисты писали так: «Лучшими по боевым качествам были марокканцы, затем иностранный легион и, наконец, регулярные части»[639]. Кулик отмечал «высокую маневренность колонн мятежников, все время искавших открытые фланги республиканцев, старавшихся охватить эти фланги и, окружая отдельные колонны, разбить республиканцев по частям, зная, что республиканцы боятся за фланги»[640].

Одновременно было предпринято второстепенное наступление через Сигуэнсу на Гвадалахару.

Наступающим противостоял Центральный фронт — 30–40 тысяч[641] плохо вооруженных и в большинстве своем необученных бойцов.

Как писали советские военные советники о качествах республиканской армии в это время, «бойцы пехоты охотно шли в бой, но слабая подготовка не позволяла использовать высокий

боевой дух республиканских пехотинцев»[642]. Еще 10 тысяч республиканцев вообще не были вооружены. Советские специалисты сообщали, что «людей (бойцов) для фронта хоть отбавляй (нужно было десять бригад — 30000, а добровольцев набралось на 60000)»[643]. Главной проблемой на этом этапе была нехватка оружия. Оружие часто выдавалось побатальонно за 2-3 дня до выступления. Но часть бойцов после этого уходили в тыл. Состав некоторых колонн менялся до 8 раз[644].

Поведение бойцов перед боем и в бою поражало советских специалистов: «Казалось при беседе с бойцами, что эти люди, решившиеся умереть, но не отступить. Между тем, при небольшом сравнительно нажиме противника, они отступали. Так происходит со всеми частями... Стреляют много и бесцельно, но когда противник атакует хотя бы небольшими силами, и его остановить неумелой стрельбой невозможно — отступают»[645].

Оставшиеся на стороне Республики офицеры тоже не соответствовали требованиям современной войны: «офицерский состав малограмотен в военном отношении с глубоко вкоренившимися навыками рутины и бюрократизма»[646]. Это, кстати, давало и некоторый повод для оптимизма, потому что у франкистов были такие же офицеры.

* * *

Франкистам сопутствовал успех — 9 октября они окружили республиканско-анархистскую колонну «Либертад». Однако 11-12 октября республиканцы провели сильные контратаки в сторону Толедо, заняв Баргас, и колонна «Либертад» пробилась из окружения. 15 октября на республиканцев обрушились удары немецко-итальянской авиации, что произвело на республиканцев очень тяжелое впечатление. 22 октября фашисты начали бомбить Мадрид. 28 октября в бой вступили советские летчики.

17 октября пал Ильескас — полпути до Мадрида было пройдено. Здесь, на первой линии обороны Мадрида, командующий фронтом генерал Асенсио снова предпринял контрнаступление. 19 октября колонны Меры, Листера и Модесто атаковали Ильескас и Чапинерию, но были отброшены. Однако и франкисты на время были остановлены, что подняло дух республиканских войск. Оказывается, есть шанс на успешное сопротивление.

Сначала советские специалисты связывали с Асенсио некоторые надежды. Военный атташе в Испании В. Горев писал об нем 4 сентября: «Он по сравнению с другими неплохой командир, волевой, с опытом марокканской войны, организатор». Опыт марокканской войны потом будет ставиться Асенсио в вину — ведь он служил под началом Франко. Горев сопровождает свои похвалы оговорками: «Не особенный революционер, честолюбив. Если его как следует привлечь на свою сторону, из него выйдет толк. Но смотреть за ним нужно как следует»[647].

Через месяц Горев был уже разочарован в Асенсио. Он резко критиковал его за то, что тот бросает в бой неподготовленное пополнение: «Асенсио — генерал генерального штаба, достаточно подготовлен, чтобы понимать, что такая мельница для малообученных резервов приведет только к истощению и к потере политико-моральных качеств войск. Однако все

его операции начинались с того, что отдавался неплохой приказ, выполнение приказа никак не контролировалось, связь и взаимодействие отсутствовали, войска шли вперед, натыкались на оборону или на контрудар, останавливались. Белые вызывали авиацию, войска катились обратно, Асенсио доносил — фронт открыт, если не пришлете двух батальонов, за последствия не отвечаю»[648]. Впрочем, после отставки Асенсио с поста командующего фронтом операции республиканцев здесь проходили по такому же примерно сценарию — в том числе и тогда, когда в руководстве ими участвовали советские военные специалисты. Дело было не в Асенсио, а в ситуации. С подобной «мельницей» советское командование столкнется в 1941 г., когда придется бросать в бой необученные пополнения, лишь бы замедлить продвижение врага к столице.

21 октября Асенсио был заменен на посту командующего Центральным фронтом генералом Себастьяном Посасом, вскоре став фактическим заместителем Ларго Кабальеро по военному министерству.

А Посас продолжал жаловаться на обстановку: «В стране нет организованных и обученных войск, а наспех сформированные бригады несут большие потери». И все равно был вынужден бросать их в бой: «Резервы иссякли»[649].

Советские специалисты докладывали: «На Мадрид белые наступали на узком фронте в 15–20 километров, не пытаясь широким охватом отрезать снабжающие пути и выход из города. Для такого охвата у них сил очевидно не хватает...» Поэтому франкистам приходится маневрировать и перегруппировывать силы для новых бросков, применения «тактики сосредоточения небольших кулачков и удара ими накоротке»[650]. Если бы франкистам противостояла несколько более подготовленная армия, они были бы разбиты. Но франкисты могли использовать неустойчивость правительственных войск и неумение наступать, поэтому, как казалось советским специалистам, не заботились о флангах. Однако проверка этой гипотезы показала, что она неверна.

26 октября первая линия обороны Мадрида была прорвана. Но тут в распоряжение республиканцев прибыла первая танковая рота из СССР. Советские военные советники включились в планирование военных операций, а при проведении некоторых из них осуществляли командование войсками. По замыслу советского военного советника Г. Кулика, нужно было бить по слабому правому флангу противника, чтобы задержать его и поднять моральный дух республиканцев.

29 октября 8–9 тысяч республиканцев под общим командованием Кулика предприняли фланговую атаку на Сесенью. Увы, замысел Кулика стал разваливаться с самого начала, о чем рассказывает сам комкор: «Бригада Листера запоздала с занятием исходного положения, и потребовалось мое личное вмешательство, чтобы заставить комбрига ускорять выполнение приказа; только один батальон был сосредоточен вовремя»[651]. Советские танки тоже задержались, потому что их окружила восторженная толпа (включая и бойцов Листера). Танковая рота под командованием Армана (П. Тылтиня) сосредоточилась раньше и, не став дожидаться, пошла в атаку. 15 танков Т-26 прорвали фронт и рассеяли кавалерию, сконцентрированную здесь для удара в сторону Мадрида. Однако танки пошли дальше, а пехота их не поддержала. «Уцелевшие группы противника быстро оправились от

замешательства, привели себя в порядок, встретили наступавшие за танками два батальона бригады Листера хорошо управляемым метким огнем и отрезали пехоту от танков»[652], — рассказывает Г. Кулик. Франкисты захлопнули «дверцу» за танками, отбив атаку Листера. Прилетели «Юнкерсы». Начался беспорядочный отход бойцов Листера, затем бегство. Вечером танки вернулись и с потерями в три танка прорвались через Сесенью назад[653]. Франкисты вообще быстро укрепляли свои позиции. «Всякий захваченный пункт немедленно превращался в крепость»[654].

3 ноября на этом же направлении была предпринята новая контратака, но ее первоначальный успех не удалось развить из-за неорганизованности колонн Листера и Буэно[655]. 4 ноября участникам операции было приказано срочно двигаться к Мадриду — на западном направлении республиканцы были опрокинуты, и франкисты подошли вплотную к столице.

Дивизия Ягуэ 1 ноября взяла Брунете, отрезая Мадрид от гор.

Контратаки октября — начала ноября не пропали даром. Кулик считал, что к 6 ноября «противник также понес большие потери и был сильно измотан. Наступательный порыв его выдохся. Сказалось отсутствие второго оперативного эшелона у мятежников, им нечем было развивать успех»[656]. Впрочем, следующие дни показали, что наступавшая на Мадрид армия Мола все еще сохраняла силы и наступательный порыв. Однако счет шел на дни, оборона Республики крепла, и фланговые удары замедлили наступление на Мадрид.

Армия нового типа

Поражения остро поставили перед Республикой вопрос о военном строительстве. У республиканской армии было две крайности — самостийность на Арагонском фронте и бюрократизм и неповоротливость — под Мадридом. Генералитет республики при поддержке правых социалистов и коммунистов выступал за создание традиционной кадровой армии, а анархо-синдикалисты и левые социалисты — за милиционную организацию армии, в которой присутствуют начала самоуправления и демократии.

Преимущества регулярной армии прежде всего должны были обеспечить четкость и скоординированность командования. Но как раз здесь республиканские офицерские кадры демонстрировали неважную картину: «Органы управления армией (выше бригад и колонн) существуют только формально, штаб центрального фронта фактически никем не руководит. Никто его не слушается, и он в свою очередь никого не хочет слушать»[657].

Конкурентом строго иерархической армии традиционного образца выступила вооруженная милиция. Она возникла в первые дни войны как реакция на переворот. Милиционные формирования выступили на фронт, когда регулярных частей у республики почти не было. Не настала ли пора реорганизовать армию «как у франкистов»? Но анархисты возражали — милиция, опирающаяся на сеть самоуправления в тылу, хорошо держит фронт в Арагоне. А переиграть франкистов на поле военных действий регулярных армий очень сложно — ведь там у них уже есть преимущество.

В итоге в Республике стала формироваться армия нового типа, сочетавшая принципы милиционности на уровне подразделений и регулярности — на уровне управления частями.

По мнению Дуррути следовало также развернуть массовую партизанскую войну в тылу франкистов, создать несколько «махновских» армий и активно снабжать их оружием и боеприпасами. Советские специалисты в принципе поддерживали идею развертывания партизанского движения, но не «махновщины», а небольших управляемых из центра диверсионно-партизанских групп[658]. Были созданы специальные диверсионно-партизанские подразделения, насчитывавшие в марте 1937 г. около 600 человек. Удалось связаться с несколькими подпольными группами, которые, также как и переправленные через фронт группы, занимались преимущественно диверсиями на железных дорогах, нападениями на автомобили с солдатами, порчей линий связи и др. В горах восточнее Альбукерке действовал отряд под командованием Паскуаля и др., достигавший 400 бойцов. Но в феврале 1937 г. он потерпел поражение, и численность сократилась до 160 бойцов. Они уничтожили 6 грузовиков, разозлили франкистов, и те силами до 2000 бойцов 23–26 марта вытеснили партизан на республиканскую территорию. Существовали также еще две крупные по испанским меркам повстанческие группы — у Монтеррубано под Пособланко (180 бойцов) и Кампильо (к востоку от Сафры) во главе с местным социалистом (около 150 бойцов)[659]. Менее двухсот партизан отвлекают на себя две тысячи франкистов. Казалось бы — вот путь к изменению ситуации на фронте. Необходимо делать все для разжигания партизанской войны в тылу врага, формировать и поддерживать изо всех сил крупные группы, делать ставку на них, а не на булавочные диверсионные уколы. Но организаторы борьбы в тылу врага (начальник разведуправления Генштаба подполковник Коэльо и советские специалисты) жалуются на «отсутствие регулярного снабжения оружием, имуществом и продовольствием» даже имеющихся групп — численностью в несколько десятков человек на целый фронт[660]. Ставка на широкое развитие повстанчества сделана не была, и воздействие этого движения на ход войны оказалось минимальным.

Франкисты изначально имели преимущество над республиканцами в дисциплине, а республиканцы — в энтузиазме бойцов. Перенесение центра тяжести на партизанскую войну в тылу Франко могло дать «асимметричный ответ» и на техническое преимущество фашистов, и на лучшую подготовку офицерских кадров Франко. Но свою роль в отказе от партизанской стратегии сыграли политические мотивы. Военное руководство и без того не доверяло возникшей в Арагоне и Каталонии «махновщине», чтобы создать еще несколько неконтролируемых партизанских зон и тратить на них ресурсы.

А. Марти, который был сторонником более активной партизанской войны, так характеризовал отношение к ней со стороны испанских коммунистов: «Наши испанские товарищи как бы боятся того, что не все население пойдет с ними, и что партизаны могут повернуть оружие против нас же»[661]. Угроза «испанской махновщины», вышедшей за пределы Арагона и Каталонии, будет сковывать военную инициативу республиканского командования, что станет одной из важнейших причин поражения Республики.

В результате шанс был упущен. Уместно напомнить, что уже после падения республики, без опоры на свободную от франкистов территорию страны, в Испании развернулась партизанская война, которая активно продолжалась до конца 40-х гг.

* * *

30 сентября был принят декрет о преобразовании милиции в регулярную армию. Однако тогда эта мера была всего лишь переименованием — структура республиканских частей оставалась прежней.

15 октября Ларго Кабальеро начал реорганизацию армии, призванную усилить ее управляемость. Была введена единая военная повинность для мужчин в возрасте 20–45 лет. Был принят декрет о создании Генерального комиссариата. В части были направлены комиссары правительства, которые должны были поднять боевой дух и обеспечить неукоснительное подчинение приказам. Комиссары подчинялись генеральному комиссару Х. Альваресу дель Вайо и его заместителям, среди которых были не только представители республиканских партий, но и старый синдикалист Анхель Пестанья и анархист Хиль Рольдан.

Задачи комиссаров официально заключались в том, чтобы вдохновлять солдат примером в бою, проводить мобилизации на работы, преодолевать конфликты, бороться с провокаторами, обеспечивать бойцов всем необходимым, организовывать обратную связь бойцов с командирами, досуг и военную подготовку бойцов, разъяснительную политработу, работу с населением, поддержание дисциплины. Неофициально комиссары должны были приглядывать за комсоставом. Одним словом, и «рука правительства», и «отец солдатам», и завхоз, и пропагандист. На практике полномочия комиссаров были неопределенными, а качество их работы очень различным — это зависело от конкретного человека. Советские военные советники сообщали: «Отношения между командирами и комиссарами неплохие, но довольно неопределенные. Комиссары жалуются, что их недостаточно используют, а командиры — что комиссары вмешиваются в их дела»[662].

Решением 16 октября милиция и регулярные батальоны сливались в единые бригады. Батальоны милиции сохраняли свою демократическую структуру. 24 октября был принят дополнительный декрет о милитаризации милиции, который подтвердил, что ее бойцы должны войти в состав регулярной армии. Под влиянием Дуррути комитет НКТ отказался поддержать этот декрет[663]. В итоге милиция Арагонского фронта пока в бригады не вошла. Однако те бойцы, которые перемещались на Центральный фронт, вливались в сформировавшуюся там смешанную систему бригад, в которые входили как обычные, так и милиционные батальоны (колонны).

Бригада по штату должна была иметь 4 батальона — 2500–3000 бойцов, но реально бывало и 800–1200, которые, однако, должны были удерживать участок фронта, предназначенный для бригады. Позднее 2–4 бригады объединялись в группу (дивизию), 2–4 дивизии — в корпус[664]. Численность республиканской дивизии примерно соответствовала численности франкистской бригады, а корпуса — дивизии[665].

* * *

В начале ноября в Женералитате возникла идея отправить Дуррути на оборону Мадрида. Антонов-Овсеенко рассказывает об интриге, которая была разыграна, чтобы «сплавить» войска Дуррути в Мадрид, оставив прокоммунистические части в Каталонии. «Чтобы подбить Дуррути, инспирировано было нами заявление комдива им. К. Маркса о направлении этой дивизии под Мадрид (дивизию было трудно вывести из боя, и сверх того ПСУК не хотела, по политическим соображениям, снятия ее с каталонского фронта)»[666]. Второе соображение вернее — ведь вывести с фронта бойцов ОСПК (ПСУК) было не труднее, чем анархистов. Но коммунисты стремились отправить Дуррути под Мадрид, чтобы получить военное преобладание в Каталонии.

Вопрос обсуждался 6 ноября на совещании командиров и советских представителей. «Дуррути восстал против посылки под Мадрид подкреплений, жестко напав на мадридское правительство, „подготовившее (де) поражение“, назвал положение Мадрида безнадежным и заключил, что Мадрид имеет чисто политическое, а не стратегическое значение». Антонов-Овсеенко и Абад де Сантильян буквально уломали Дуррути[667]. Договорились, что анархисты дают 5000, коммунисты — 1000, остальные партии — 800 бойцов до 8 ноября[668].

При этом Дуррути, по выражению Антонова-Овсеенко, «выкинул трюк»: призвал резерв, который был у анархистов безоружным, передал новобранцам ружья «Маузер», а бойцов, собравшихся под Мадрид, прислал в Барселону безоружными для получения оружия с правительственных складов. Дуррути требовал вооружения за счет тыловой жандармерии. Он снова перехватывал у коммунистов лозунг разоружения тыла, обернув его против силовых структур Женералитата. «Таким образом Дуррути добивался своего — не ослаблять Арагонского фронта», — комментировал Антонов-Овсеенко, — и «подрывает вооруженную опору нынешнего правительства в Барселоне»[669]. Согласимся, что стремление Дуррути «не ослаблять Арагонского фронта» вряд ли может быть поставлено ему в вину. Антонов-Овсеенко признает: «Мы с большим напряжением сорвали этот план»[670] под предлогом, что он затягивал отправку под Мадрид. Однако и сам советский консул признает, что на самом деле отправку анархистов задержала также «испанская военспецкостность»[671], то есть бюрократическая неразбериха в штабах регулярной армии.

В итоге дивизия Дуррути выступила 8 ноября. Всего 6500 бойцов при 75 пулеметах и 12 орудиях. Еще 1000 анархистов были позднее отправлены вдогонку[672]. Непосредственно с Дуррути двигалось 3000 бойцов[673]. На Центральном фронте действовала также анархистская бригада С. Меры, но отдельно от каталонских анархистов[674]. Часть сил Дуррути распределили по другим участкам, и под его непосредственным командованием осталось 3 тысячи бойцов[675].

Баррикады Мадрида

Падение столицы могло иметь катастрофические военные, моральные и политические последствия для республики, но наступление Франко казалось неудержимым. Правительство отбыло из Мадрида в Валенсию. При этом Ларго Кабальеро допустил ошибку, которая потом использовалась в агитации его противников. Советские специалисты

отмечали «чрезмерно долгое пребывание правительства и генштаба в Мадриде, что при непосредственной близости противника вовлекало их во все детали борьбы города и почти полностью прекратило общегосударственную работу»[676]. Зато, когда накануне штурма Мадрида правительство все же уехало, министров стали обвинять в бегстве. Пикеты анархистов задерживали эвакуирующихся в Валенсию министров и генералов. «Сиприано Мера, в итоге ставший влиятельным милицейским командующим, позволял себе порицать задержанных, обвиняя их в том, что они оставили „народ“. Им позволили продолжать путь, не без споров»[677]. Все это произвело на республиканцев неблагоприятное впечатление. Авторитет правительства упал, казалось, что оно решило сдать столицу.

Командование войсками, оборонявшими Мадрид, перешло к генералу Хосе Миахе, который также возглавил Хунту обороны Мадрида. Она сосредоточила власть в городе и окрестностях. В Хунту вошли восемь представителей партий Народного фронта и анархистов. Советские военные специалисты отмечали пессимизм у генералов Миахи и Посаса. Ссылаясь на то, что за Франко сражаются свирепые марокканцы, они повторяли, что «с нашим народом воевать нельзя, что противник войдет поэтому в Мадрид»[678]. Миаха был вовсе не рад выпавшей ему роли. «В одной из комнатух, сгорбившись, сидел старый, больной и подавленный событиями человек — генерал Миаха»[679], — вспоминал И. Эренбург.

Но тут построенная по милиционному принципу республиканская армия, терпевшая неудачи в маневренной войне, в крупном индустриальном центре значительно усилилась. Здесь «запускался» тот же механизм восстания, который помог разгромить мятежников в крупных городах в июле 1936 г. Милиция, опершись спиной на улицы Мадрида, немедленно обросла местными жителями, снабжавшими ее к тому же всем необходимым: «Водители трамваев, сталкиваясь лицом к лицу с противником, превращали вагоны в баррикады, брали винтовки у раненых или убитых солдат, а часто просто кирки и лопаты — любое орудие, которым можно было убивать фашистов. То же самое делали парикмахеры, официанты, служащие. Все!.. Женщины, захватив кофе, коньяк и другие продукты, отправлялись на передовую, чтобы подкрепить ополченцев. Они говорили бойцам самые нежные и самые жестокие слова. Они обнимали храбрых и насмеялись над теми, кто колебался... Каждый квартал города возводил свои оборонительные сооружения»[680].

7 ноября франкисты под командованием Варелы пошли на штурм города силами 14–20 тысяч солдат. Осуществлявший общее командование наступлением генерал Мола заявил, что на город идут четыре колонны, и есть еще пятая — сторонники франкистов в самом Мадриде. Мола блефовал, но «пятая колонна» стала распространенным понятием.

Главный удар франкистов наносился через парк Каса-дель-Кампо. Франкисты атаковали пригород Карабанчель и мосты через Мансанарес. По советским оценкам, «действия противника 7 ноября и в последующие дни носили исключительно напористый характер вплоть до начала контрудара республиканцев 13 ноября»[681]. А 8 ноября советская разведка докладывала: «В Мадриде продолжаются работы по сооружению баррикад. Настроение в городе стало более спокойным и уверенным. Отмечается увеличение сопротивляемости правительственных войск»[682].

Столицу обороняли 10 колонн милиции и только что сформированных бригад — примерно 30000 бойцов. В первые дни сражения в Мадрид прибыла недавно сформированная 11-я интербригада под командованием Э. Клебера (М. Штерна) — первое формирование интернационалистов (около 1900 бойцов). 11 ноября в город прибыла колонна Дуррути и 12-я интернациональная бригада под командованием П. Лукача (М. Залка) (правда, в неполном составе — только 1600 бойцов).

Поскольку решающую роль в создании интербригад играли коммунисты, в советской литературе их значение и непобедимость, как правило, преувеличивались. Эта легенда стала создаваться сразу после боев, что имело негативные последствия для республиканцев. Как сообщал позднее полковник К. Сверчевский (комдив Вальтер), «факт беззастенчивого возведения Клебера в звание „спасителя“ Мадрида, а тем самым и Испании, является на мой взгляд одним из наиболее серьезных доказательств неправильного понимания роли интерчастей. Клебером мы нанесли незаслуженное оскорбление героическому испанскому народу, который, видите ли, без нас, кучки „варягов“, не способен организовать себя и найти силы для защиты собственной страны и независимости»[683]. Сверчевский здесь не учитывает, что возвеличивание интербригад должно было «приподнять» роль коммунистов вообще, а заодно и затушевать вклад анархистов и других течений. «Клебер явился грубым вызовом той части старого офицерства, которое осталось верным республиканцам, и не только Миаха или Рохо, но и целый ряд других менее видных профессионалов по сей день не могут равнодушно слышать упоминание его имени»[684]. Клебер и Лукач были названы генералами для пущего авторитета, но это скорее сыграло против них. Вопрос о званиях был болезненным. Командиров из милиции независимо от занимаемой должности нельзя было производить даже в подполковники — такая уступка была сделана кадровым офицерам, которым не нравилось, что их обгоняют «выскочки» из гражданских[685].

К чести интербригадистов нужно сказать, что их тоже смущала кампания восхваления. На совещании политкомиссаров Центрального фронта представитель 11-й интербригады Николетти говорил: «Роль и значение интербригады в боевых действиях были преувеличены. Некоторые даже заявляли, что успех обороны Мадрида обязан исключительно интербригаде»[686]. Возвеличивание интербригад было и на руку Франко-он вел «войну с чужеземцами».

Характеризуя республиканские силы в закрытых отчетах, советские военные специалисты отмечали: «Боеспособность этих бригад, включая интернациональные, минимальная»[687].

К. Сверчевский продолжает: в республиканской пропаганде «исчезли герои милиционеры, которые почти с голыми руками сдерживали натиск фашистских орд на Мадрид...» и даже 5-й полк, не говоря о Миахе, Рохо, Бурильо и др.[688] Миахе, впрочем, было грех жаловаться — его, примкнувшего к коммунистам, вскоре тоже стали возвеличивать как спасителя Мадрида. Генералу это нравилось — как писал о Миахе Р. Малиновский, «Правда, старик любит славу, но кто из испанцев не любит славы и популярности?»[689].

Современные авторы, даже негативно относящиеся к коммунистам, наследуют у них основные мифы об испанской войне. Так, С. Ю. Данилов утверждает: «За три самых

напряженных дня фронтального штурма столицы единственным подкреплением, полученным республиканцами, стала 11-я и 12-я интернациональные бригады (в совокупности — 8000 штыков)»[690]. Но 12-я интербригада прибыла несколько позднее, одновременно с дивизией Дуррути, численность которой здесь просто «приписана» интербригадам. В самые напряженные периоды битвы за Мадрид — 7—13 и 15—17 ноября, ситуацию спасали не только интербригады.

Впрочем, среди советских историков при всем прессинге цензуры были серьезные исследователи, которые высказывались более осторожно: «В ноябре 1936 г. в боях под Мадридом участвовало всего 3–4 тыс. солдат интернациональных бригад, которые, разумеется, не могли решить исход этой битвы»[691]. Хотя совокупные подкрепления (интербригады и анархисты) уже выглядят более весомой «прибавкой».

Не будем, впрочем, впадать в другую крайность и отрицать важную роль интербригад. Во-первых, многие ее бойцы имели боевой опыт — как правило, Первой мировой войны. Во-вторых, в критической ситуации равновесия сил подкрепления оказывались важнейшими гирьками на чаше весов. Их бросали в мясорубку решающих пунктов сражения. И там они действовали плечом к плечу с анархистами.

Советский военный специалист Мокроусов, непосредственно наблюдавший действия дивизии, докладывал: «Они храбры, не трусы, но недисциплинированны и, по-видимому, в первых боях с технически оснащенным противником будут сдавать. Пока не привыкнут к самолетам и танкам. Над самим Дуррути нужно много работать, у него есть много черт махновских. Поэтому можно дать директиву Мадриду, чтобы к нему был приставлен наш хороший товарищ, который смог бы с ним сработаться, а главное сдружиться»[692]. Эта характеристика подтверждает, что у коммунистов были к Дуррути идеологические претензии, но качество его войск находилось примерно на том же уровне, что и остальных республиканцев под Мадридом.

В действительности в боях за Мадрид партийная окраска колонн стала стираться. Как вспоминает боец анархистской колонны Рошалья М. Карабаньо, они стали подчиняться ближайшему к их позициям штабу, даже не поинтересовавшись партийной принадлежностью его офицеров[693].

Республиканское командование бросало под Мадрид все вновь сформированные бригады. Советские специалисты считали, что из них следовало создать кулак, которым ударить все по тому же правому флангу противника. Но создать такой кулак не удалось, так как Миаха «в приступах паники» втягивал все силы в Мадрид и даже заворачивал колонны, которые уже готовились для контрудара[694].

Советский военный советник Колпакчи настаивал: «Я понимал и сейчас держусь того же мнения, что решающее воздействие на исход операции под Мадридом мог оказать только организованный ввод в бой этих бригад резерва против открытого правого фланга противника, наступавшего на узком фронте на Мадрид»[695]. Правда, он тоже понимал, что войска мадридского фронта «не способны совершенно к наступлению и не устойчивы в обороне»[696]. Но обороняться, опираясь на Мадрид, республиканцы научились, и теперь

Миаха не был расположен рисковать судьбой пусть неустойчивой, но все же имевшейся обороны Мадрида ради сомнительного флангового наступления.

Для флангового удара удалось собрать только 17 батальонов вместо запланированных 32[697]. Общая численность резерва составляла на 8 ноября 15–18 тыс. бойцов. 13 ноября силами этого кулака и соседних частей республиканцы нанесли фланговый удар на высоты Эль Серо де лос Анхелес восточнее Хетафе, что заставило франкистов прекратить на время атаки на Мадрид. Направление удара было выбрано неудачно, франкисты зацепились за каменную гряду высот и отбились. Авиация не поддержала республиканцев[698].

После этого была предпринята новая, пожалуй, самая опасная попытка франкистов прорваться в Мадрид. 15 ноября Варела после сильной артиллерийской подготовки и авиационных ударов нанес основной удар по Французскому мосту, выбил с него анархистов и прорвался в Университетский городок. Это было начало нового штурма. Но анархисты продолжали оказывать ожесточенное сопротивление марокканцам, и франкисты к концу дня смогли пройти только несколько сот метров. Это позволило подтянуть резервы — 4-ю бригаду и 1-ю интербригаду. В парке Монклоа и в Университетском городке развернулись ожесточенные бои. Городок мог превратиться в брешь, через которую Варела надеялся прорваться в Мадрид. 16 ноября интербригада попыталась пробиться к Французскому мосту, но безуспешно. Однако мост простреливался республиканцами, и франкисты подвозили подкрепления и боеприпасы по нему на танкетках. В этих боях 1-я интербригада потеряла треть состава и была заменена 2-й, подошедшей в Мадрид 17 ноября[699].

Авангард марокканцев двинулся через площадь Монклоа на улицы Калье-де-ла-Принцесса и Пасео-де-Росалес. Это было очень опасно — достаточно было пройти эти улицы, чтобы оказаться на площади Испании — в самом центре Мадрида. Но контрударом Дуррути авангард марокканцев был уничтожен. Анархисты вернулись на площадь Монклоа. Сюда прибыл и генерал Миаха, который лично принял участие в баррикадных боях. К этому времени генерал уже приободрился и, по словам Р. Малиновского, «своим сварливо-шумливым характером подбодрял каждого, вселял веру в защитников Мадрида...»[700].

17 ноября стало ясно, что у Варелы больше нет сил, чтобы выйти за пределы университетского городка и даже захватить его целиком. Однако атаки на Монклоа с помощью танкеток продолжались до 25 ноября[701].

19 ноября был смертельно ранен Дуррути. Пуля поразила его в момент затишья, что породило множество слухов. В гибели прославленного вождя обвиняли и агентов франкистов — «пятую колонну», и анархистов, которым не нравилась дисциплина, насаждавшаяся командиром, и коммунисты, которые хотели устранить популярного конкурента. Роста влияния Дуррути мог опасаться также Миаха и другие члены Хунты обороны Мадрида, на что намекает Гарсиа Оливер, рассказывая о планах назначения Дуррути главой Хунты[702].

Но все эти версии имеют слишком мало доказательств, а гибель командира во время сражения, на линии огня, мало похожа на результат заговора. Журналист Э. де Гусман, опросивший свидетелей сразу после гибели Дуррути, утверждает, что выстрел прозвучал с

позиций противника, находившихся примерно в 500 метрах[703].

И. Эренбург, находившийся тогда в Испании, считает, что «его смерть была большим ударом по всем силам республиканцев»[704]. Похороны Дуррути, скончавшегося 20 ноября, вылились в грандиозную демонстрацию — в последний путь его провожало около 200 тысяч человек, что свидетельствует о высоком авторитете анархистов в Мадриде — что бы потом ни писали об их «трусости» коммунистические авторы и их либеральные эпигоны. По свежим следам вклад дивизии Дуррути в оборону столицы был по достоинству оценен мадридцами[705].

Таким образом, решающую роль в обороне Мадрида сыграли милиция; интербригады и дивизия Дуррути, действовавшие в самых опасных местах; а также советские военные специалисты, прежде всего — летчики, давшие отпор немецким и итальянским асам.

Ожесточенные бои под Мадридом шли до 23 ноября. В ноябрьской битве за Мадрид погибло более 10000 человек. Франкистам не удалось взять столицу. «Но результатом этого было лишь то, что война продлилась еще два с половиной года вместо того, чтобы закончиться, возможно, через четыре месяца с небольшим»[706], — грустит адвокат франкизма Л. Пио Моа.

Республика была спасена и доказала всему миру, что может сопротивляться. И это имело всемирно-историческое значение. Впервые наступлению фашизма на Европу был дан вооруженный отпор. Это было начало общеевропейской борьбы, которая закончилась победой в 1945 году.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 20:45:52

Зверобой обновил 5 мая 2025 20:47:40